

сжало в машине. Она почувствовала, как ей стало душно, как всю ее – без остатка, вместе с одеждой – вдавливает чужая сила в железное тело горячего котла» [5].

Чужая сила представляет собой силу удара паровоза и деформации металла; даже рассматривая это как силу отчужденную, следует признать, что она принимает жертву, после удара оказывается, что «в паровозе лежала во сне или в смерти незнакомая, одинокая женщина» [5]. Дальнейшая судьба героини выходит из власти пространства паровоза. Ее уносят на станцию, где оказывают помощь. Ольга выздоравливает сама, по своей воле. Парадокс оставшейся в живых жертвы представляет собой трансгрессию – выход за пределы структуры, ее разрушение, переход от пространства сакральной жертвенности к пространству жертвенности земной в контексте субъективного восприятия героини.

Таким образом, в тексте четко прослеживаются четыре парных пространства: два объективных – пространство традиционного общества малой семьи и нового общества «большой семьи», представляющих собой действительный мир, и два субъективных, связанных с формой осуществления заклания – сакральный мир и мир земной, которые представлены внутренним миром и опытом жертвенности героини. Пространства взаимосвязаны, переход из объективных пространств, осуществляемый путем снятия, предполагает трансформацию уже субъективного ментального пространства – путем трансгрессии главной героини, что позволяет определить именно гетеротопизация пространства.

УДК 82

ОБРАЗ ЛЕТЧИКА В ОРТОДОКСАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 30-х ГОДОВ

В статье анализируются проблемы функционирования образа летчика в ортодоксальной советской литературе 30-х годов XX века. Рассматриваются авторские стратегии создания образа авиатора в соцреалистической парадигме через призму гностической мифологии. Разработанная в статье модель образа авиатора продуктивна в рамках заданной культурной парадигмы и актуальна для исследования текстов, однородных в аспекте художественного метода.

Ключевые слова: соцреализм, положительный герой, авиационный дискурс, сознательность и стихийность, гностицизм, большая сталинская семья.

В 30-е годы остается актуальной тема гражданской войны и революции. На фоне этих событий разворачивается действие романа Виссариона Саянова «Небо и земля» (1935–1954), посвященного первым русским летчикам. В центре повествования находятся три авиатора: Петр Быков, Кузьма Тентенников и Глеб Победоносцев.

Первые части романа написаны до начала Великой отечественной войны, вероятно, в 1939 году. Последняя, четвертая, книга завершена в середине 50-х. Мы будем

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд, 1994. 408 с.

2. Николчина М. Омонимия и гетеротопия: сексуальное различие и случай *Aufhebung* // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 191–210.

3. Бунжулов А. Модернистское общество и социалистическая гетеротопия // Критика и гуманизм. 1991. № 3. С. 207–223.

4. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Репр. воспроизведение изд. 1959 г. / вступ. статья К. А. Сергеева и Я. А. Слинина. СПб. : Наука, 1992. 767 с.

5. Платонов А. На заре туманной юности // Большая онлайн-библиотека e-Reading. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=45131> (дата обращения: 12.02.2018).

6. Мельникова М. И. Крестьянская ментальность как архетип русской души. Ставрополь : Юрсит, 2006. 263 с.

7. Кларк К. Сталинский миф о «Великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 72–95.

8. Ковтун Н. В. «Семейный вопрос» в советской литературе 1920–1930-х годов // Универсалии культуры. Вып. 2. Философия – эстетика – литература: дискурс и текст : сб. науч. тр. Красноярск : СФУ, 2009. С. 174–182.

9. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. Изд. 2-е, испр. М. : НЛО, 2010. 448 с.

© Глушенкова О. А., 2018

Т. А. Загидулина
T. A. Zagidulina

THE IMAGE OF AN AVIATOR IN THE ORTHODOX SOVIET LITERATURE OF THE 1930s

The article analyzes the problems of the aviator's image functioning in the orthodox Soviet literature of the 1930s. The purpose of this article is to consider the author's strategies for creating the aviator's image in the socialist realistic paradigm through the prism of Gnostic mythology. The model of the aviator image developed in the article is productive in the framework of a given cultural paradigm and is relevant for the study of texts that are homogeneous in the aspect of the artistic method.

Keywords: socialist realism, positive hero, aviation discourse, consciousness and spontaneity, gnosticism, big Stalin's family.

рассматривать книги, написанные до начала войны в их художественном единстве и завершенности. Подобная избирательность связана с тем, что именно в тридцатые окончательно сформировалась соцреалистическая парадигма, в рамках которой мы анализируем образ летчика (в последней части, не находящейся в фокусе нашего внимания ни тематически, ни хронологически, доминантой является осмысление Великой отечественной войны).

Романное время охватывает события 1910-х – 1938-го г. Показана динамика становления Советского государства, а также движущая сила, благодаря которой это становление было возможным и неизбежным. «Небо и земля» написан в соцреалистическом ключе, в романе четко обозначены основные и типичные для литературы социалистического реализма мотивы: становление настоящего человека, большая сталинская семья, путь положительного героя, преодоление сиротства и др.

Обзор научной литературы проведен на основе анализа работ отечественных и зарубежных ученых. В романе прослеживаются гностицистские основания соцреалистической художественной парадигмы, о которых пишет Н. В. Ковтун [1; 2], А. Гольдштейн [3], С. Л. Слободнюк [4]. Гностицизм оказал значительное влияние и на современную русскую прозу [5]. Одной из ведущих тем романа является тема преодоления живой природы через преодоление себя. Покорение девственной природы, по мнению Н. В. Ковтуна, «станет основополагающей и для канонической советской литературы, практически лишенной свободных пейзажных зарисовок. Пейзаж здесь обретает значение либо символа, подчеркивающего стойкость, мужество персонажа... либо преграды...» [1, с. 103]. Сама номинация романа в этом плане значима, она представлена оппозицией «Небо и земля» – верх и низ, где главное – преодоление тяготения земли для полета в небо.

Основным принципом гностицизма является отречение от реальной жизни, уход в пустоту, молчание и освобождение через этот уход из заключения мира, спасение: «Цель гностицистских устремлений – освобождение “внутреннего человека” из оков мира и его возвращение к изначальному царству света» [6]. Впервые гностицистская философия как один из источников утопической идеологии рассмотрена в монографии Н. В. Ковтуна «Русская литературная утопия второй половины XX века»: «Гностицистские принципы советской литературы восходят к предшествующей масонно-утопической традиции, к творчеству модернистов, идеологии марксизма. Мистицистские темы, образы пронизывают комплиментарную по отношению к власти литературу 20-х – начала 30-х годов (мотивы гармонизации хаоса, “светлого будущего”, пророчества, теургического “мы”), оформляют утопические модели завода, армии, клуба, спортивной арены – цирка, дома-коммуны, открытых во “внешний” мир» [1, с. 104].

Гностицизм – раннехристианское религиозно-философское учение, оно мифологично по своей сути. Гностицизм подразумевает страдания человека в реальном мире, потому что человек этому миру чужд, но освобождение возможно в плероме («полноту духовности, состоящую из соединенных попарно зон (духовных сущностей), образующих иерархию» [7]), для которой человек органичен. Обретение гносиса, понимаемого как истинное богопознание, спасительно. Практическая сторона гносиса состоит, по указанию Г. Йонаса, «в познании правильного “пути” к освобождению из заточения мира» [6]. Этот путь воплощают биографии героев романа. В произведении продемонстрировано абсолютно соцреалистическое видение истории: «В этом взаимодействии события, развивающиеся в историческом времени, представлены как воплощение сакральных событий,

зафиксированных в Писании. В литературе соцреализма соответствующим текстом, устанавливающим вертикальную ось, является марксистско-ленинское (а в сталинское время – сталинское) описание истории – то, что здесь будет представлено как История» [8, с. 571].

Историзм романа «Небо и земля» и ведущая роль красных летчиков наиболее четко сформулированы в словах одного из героев: «Тридцать лет назад несколько десятков молодых русских взяли за руль и сели на самолет <...> С тех пор, какие колдования ни ожидали нас в жизни, мы верны остались своей первой любви» [9]. Эти слова можно истолковать метафорически. Наиболее прогрессивная группа – авиаторы, люди без страха, чьи действия, будь то полет на самолете или борьба против белых, основанные на любви, стали движущей силой гностицистского движения на пути от замкнутости мира.

Наиболее точно миф о летчиках описан Х. Гюнтером: «Советские летчики 1930-х годов предстают как верные сыновья “любимого отца” Сталина, который является и “вдохновителем”, и “руководителем”, и “организатором побед”. Сталин воплощает принцип сознательности, в то время как “сыновья” могли проявлять некоторую стихийность, незрелость и страсть к приключениям» [10, с. 744]. Х. Гюнтер также обозначает этапы становления «сталинского сокола»: «Уход из повседневности, прорыв с боем в царство тьмы, демонстрация стойкости в разных испытаниях, получение сверхъестественной награды и, наконец, возвращение героя, несущего своему народу благодать» [10, с. 744]. Соцреалистический летчик вписывается в парадигму положительного героя (в терминологии К. Кларка), а также находится на вершине героической иерархии, являясь неоспоримым образцом, идеальной моделью поведения, ориентиром. Исследовательница замечает, что в своем развитии «положительный» герой проходит все стадии исторического движения к марксизму-ленинизму [8].

Мифологизированная фигура летчика, которая располагается на вершине соцреалистического пантеона, обладает важной чертой – он, подобно античному Герою, находится между мирами (может присутствовать и в небе, и на земле), таким образом становясь пограничным персонажем.

Летчики в романе В. Саянова воплощают в себе пророческие, миссионерские, паломнические функции, их образы маркированы лиминарностью – они находятся между землей и небом, что обозначено в названии романа. Самым молодым авиатором рассматриваемой группы персонажей является Глеб Победоносцев (знаковая фамилия, связывающая образ авиатора с образом Георгия Победоносца). По социальному происхождению Глеб – интеллигент. Однако летчик постоянно превозмогает себя: желая стать авиатором, например, избавляется от страха высоты, глядя вниз с Эйфелевой башни. Образ Глеба вписывается, помимо прочего, в подвижническую модель: «За изображением раненых социалистических героев стоит очень своеобразная эстетика – они представлены как подвижники» [10, с. 745].

Само имя «Глеб» происходит от древнескандинавского «наследник бога». Оно выбрано не случайно, можно предположить, что в романе выстраивается параллель между русскими летчиками и первыми русскими святыми. Как

известно, Борис и Глеб были первыми канонизированными русскими святыми, принявшими смерть от брата Святослава Окаянного в ходе междоусобных войн (официальной датой смерти Бориса и Глеба считается 1015 год). Глеб Победоносцев в романе убит в ходе гражданской войны, за которой закрепился эпитет «братоубийственная». Умирает Победоносцев героически, так и не предав идеалов большевиков: «Я твердо знаю, что нет на свете власти более прочной, чем Советская власть. Только такая власть, созданная народом и для народа, будет победительницей в великой борьбе. Я присягал ей и никогда ей не изменю!» [9].

Победоносцев, находясь в плену, не поддается на искушение Васильева, одного из предводителей белых, чей образ маркирован в тексте как звериный (т. е. противостояние красных и белых представляет как противостояние людей и зверей): «По-моему, в ваших частях верховодят люди, в которых звериного много, а человеческого нет. Вы и раньше, помнится, восхваляли звериные инстинкты в людях, говорили, что вам нравится тот, кто не убивает в себе зверя. С каким восторгом цитировали вы как-то фразу Ницше о белокурой бестии...» [9]. Зверство врага можно рассматривать двояко: с одной стороны, закономерным кажется упоминание Ф. Ницше и аллюзия на его работу «К генеалогии морали» [11], с другой, это отсылка к библейскому Зверю Апокалипсиса. Второе обусловлено восприятием революции как Апокалипсиса, о чем неоднократно говорили исследователи соцреализма.

Типологически образ Глеба воплощает идею мученичества. В нем присутствуют черты раннехристианского мученика: он погибает от рук преследователей адептов новой идеи – белых. Одной из функций мученика является посредничество: «В восприятии верующих Мученики стали основными посредниками между Богом и людьми, в их образах совершалось взаимодействие и взаимопроникновение двух сфер – земной и потусторонней» [12, с. 683]. На пересечении этих двух сфер и находится фигура Глеба.

Победоносцеву, единственному в тройке «положительных» летчиков, не дана встреча со Сталиным, но ему дано нечто не менее великое – героическая смерть от рук врага. Глеб становится емким символом героизма: после смерти Глеба в доме его сестры висит портрет героя: «Большой портрет Глеба, нарисованный каким-то художником-летчиком, висел на широкой стене» [9]. Важно, что запечатлевает Глеба человек, подобный ему – летчик, человек, чья профессия в рамках системы ценностей данного романа – сакральна. Это сближает портрет Глеба с иконой. Вместе с тем рассмотрение образа Глеба через призму гностицизма, где все люди делятся на «душевных» (гиликов, соматиков), психических («психиков») и духовных («пневматиков») [13], дает ключ к вопросу о его природе, а также понимание значения трагической гибели: «пробужденные гнозисом, пневматики, и только они, возносятся к Богу» [13]. Природа молодого летчика пневматична, тогда как природа Тентенникова гилическая, а Быкова – психическая, именно поэтому погибает только Победоносцев.

Героим-антиподом Глеба является Кузьма Тентенников, он тоже положительный герой. Победоносцев более статичен, его становление происходит в начале романа, когда герой планомерно преодолевает свой страх перед небом: он уже

тогда готов расстаться с жизнью ради идеи (сначала им владеет идея полета, в конце романа, перед смертью, эта идея трансформируется в идею служения новому рабочему государству). Структура образа Тентенникова в этом плане совпадает с канонической структурой положительного героя. Вся жизнь летчика – движение от стихийности к сознательности. Именно поэтому ему необходима встреча со Сталиным, которая становится опорой, обретенной в лишениях и войнах.

Кузьма Тентенников в начале романа предстает импульсивным, тщеславным и даже наивным человеком. Но личная выгода перестает быть доминантой в жизни авиатора, после гастролей по провинции он становится сдатчиком самолетов на Русско-балтийском заводе, а затем идет сражаться на поля Первой мировой и Гражданской войны.

Образ Тентенникова отмечен в этом контексте противопоставленностью образам дельцов, символизирующих царский режим. Тентенников – гуманист, его взгляды порождены (правильным крестьянским) происхождением: «Кайзеровские генералы немецких летчиков на свой лад воспитывали <...> У них юнкера и кавалеристы в авиацию поперли и вот такую же, как наш Васильев, создали теорию: дескать, без кровопролития на войне человечество одряхлеет. Вот, значит, и омолаживай его бомбами с неба... Из рабочих и крестьян у них летчиков нет» [9]. У Тентенникова иной подход: «Я самолет за другое люблю – он уничтожает на земле растоянье; разовьется авиация в стране – и не станет у нас захолустья» [9]. Война не является для него самоцелью, она необходима для обеспечения мирной жизни в стране. Летчик находится в положении «над» центром и периферией, и поэтому границ для него не существует – он сам является связующим звеном, проводником. Подобное самоощущение Тентенникова во время Первой мировой войны – первая ступень к обретению им сознательности.

Настоящий герой в реальности соцреалистического романа должен отказаться от своего тела и желаний, потому что теперь его тело должно слиться с механизмом аэроплана: «Какое молодое волнение всегда испытываешь, подымаясь в воздух, – ведь порой начинает казаться, что ты и машина – одно живое существо!» [9]. Итак, сущность Тентенникова гилична, его становление есть путь обретения сознательности и преодоления соматичности.

Третий член группы – Быков. Авиатор целеустремлен и сознателен, однако природа его не пневматична. Его можно отнести к «психикам», людям «душевному», но он также находится на пути становления. В жизни героя присутствуют эротические моменты. Эротизм состояния полета заменяет реальный эротизм в жизни Быкова и Елены Победоносцевой, которые впоследствии станут мужем и женой: «Она оперлась на его руку и смело села на место пассажира. Лицо ее горело, губы стали сухими, минуты непривычного ожидания показались часами. <...>

– Петр Иванович, как хорошо! И ни капельки не страшно.

<...> У Лены закружилась голова.

<...> Лене показалось вдруг, что ее покинули все и нет с ней никого, кроме этого человека; она никак не могла успокоиться» [9]. Это не эротизм в прямом смысле слова, как, например, эротизм «советских гейш» [14], это особый соцреалистический эротизм, возможный в пылу трудового порыва.

Цельность личности летчика обусловлена его прямоотой, серьезностью и неумением хитрить: «дерзкая отвага Глеба и отчаянная храбрость Тентенникова сулят им неприятности в воздухе; хитрить оба не очень умеют» [9]. Серьезность и прямоота – отличительные черты положительного социалистического героя, маркеры: «Серьезное выражение, все чаще и чаще появляющееся на их лицах, является указателем их постепенного приближения к сознательности» [8, с. 583].

Итак, сюжетным стержнем романа В. Саянова «Небо и земля» является жизненный путь летчика. Летчик как феномен представлен тремя персонажами: Глебом Победоносцевым, Петром Быковым и Кузьмой Тентенниковым. Три разных героя, объединенные в группу, представляют собой идеальную модель образцового человека – авиатора. Пневматическое, гиллическое и психическое органично сочетаются в анализируемом единстве. Все трое воплощают идеальную биографию социалистического положительного героя, вместе с тем находятся на вершине иерархии, обладая важным свойством – они, подобно античным Героям, могут находиться и в пространстве «низа», и в пространстве «верха», таким образом принимая на себя функцию проводников, паломников, путешественников между мирами. Круг проводников ограничен – туда не может быть включена женщина: Елена, несмотря на кровные и социальные связи, существо профанное. Женщина-летчица, поднявшаяся в небо, несет лишь смерть.

Вся жизнь авиаторов строится по траектории обретения сознательности и точкой полного обретения одной становится встреча со Сталиным, приобщение к сакральной фигуре. После этой встречи они сами будут способными к «производству» сознательных положительных людей. Плодом этого производства становится авиатор второго поколения – Ваня, о судьбе которого мы узнаем из эпилога. Ваня возвращается из арктического перелета (топос Арктики принципиально знаменует функции летчиков второго поколения), на борту он был радистом, однако теперь собирается стать авиатором, как и люди, заменившие ему отца: «Мы-то с Петрухой больше всего мечтали, что Ваня летчиком станет, не нравилось нам его увлечение радио. А он, оказывается, без шума и треска все по-нашему сделал... И правильно: характер у него самый летный, он со временем большим авиатором станет» [9].

Действие эпилога происходит в 1938 г. в Москве, что тоже символично. Пространство Москвы в социалистической литературе традиционно маркируется как центр, помимо прочего, в романе дано совершенно утопическое описание данного места: «Теплоходы шли по Москве-реке, а там, вдалеке, начиналось Московское море, и лодки, и гранитные ступени, сбегавшие прямо в темную воду, и узкие стремительные байдарки с белыми лопастями гребных весел, высоко занесенных над водой, – непривычное еще очарование новой Москвы – напоминало о прожитом» [9]. Подобное описание отсылает к утопическому в социализме: идеальный летчик, отозвавшись на гностический зов, удостоивается впоследствии нахождения внутри идеального пространства. Он является ключевым связующим зве-

ном между землей и небом, центром и периферией (Москва и Арктика), он может стать проводником не только идей, но и людей, самых достойных, которые способны уподобиться авиаторам, как когда-то те, прикоснувшись к сакральной фигуре, уподобились ей, и именно поэтому стало возможным существование утопии въяве.

1. Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века : моногр. Томск : Изд-во Томс. ун-та. 2006. 356 с.

2. Ковтун Н. В. Утопия социализма и гностицизм. К постановке проблемы // Европейские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч. конф. «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности». Томск : Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 4. С. 247–265.

3. Гольдштейн А. Расставание с нарциссом. Опыты поминальной риторики. М. : Нов. лит. обозрение, 1997. 445 с.

4. Слободнюк С. Л. «Идущие путями зла». «Дьяволы» «серебряного» века (Древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). СПб. : Алетейя. 1998. 432 с.

5. Иванова И. Н., Кубышкина В. О., Серебряков А. А. Репрезентация мотивов гностицизма в современной отечественной прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 171–185.

6. Йонас Г. Гностицизм // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Jonas/04.php (дата обращения: 15.07.2017).

7. Шабуров Н. В. Гностицизм // Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH6747a0dc7baf3e6bfee67> (дата обращения: 15.07.2017).

8. Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Социалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб. : Академ. проект. 2000. С. 569–584.

9. Саянов В. Небо и земля // Литмир. Электронная библиотека. URL: https://www.litmir.me/br/?b=234239&p=1#section_1 (дата обращения 15.07.2017).

10. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Социалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. С. 743–784.

11. Ницше Ф. К генеалогии морали // Библиотека Максима Мошкова: lib.ru. URL: <http://lib.ru/NICSH/morale.txt> (дата обращения: 15.07.2017).

12. Квливидзе Н. В. Бес // Православная энциклопедия. М. : Церков.-научн. центр «Православ. энцикл.», 2002. Т. IV. С. 683–686.

13. Торчинов Е. Вступительное слово // Йонас Г. Гностицизм // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Jonas/vs_sl.php (дата обращения: 15.07.2017).

14. Буренина О. Эротика на манеже советского цирка // Russian Literature. 2011. Т. 69. № 2–4. С. 329–340.

© Загидулина Т. А., 2018